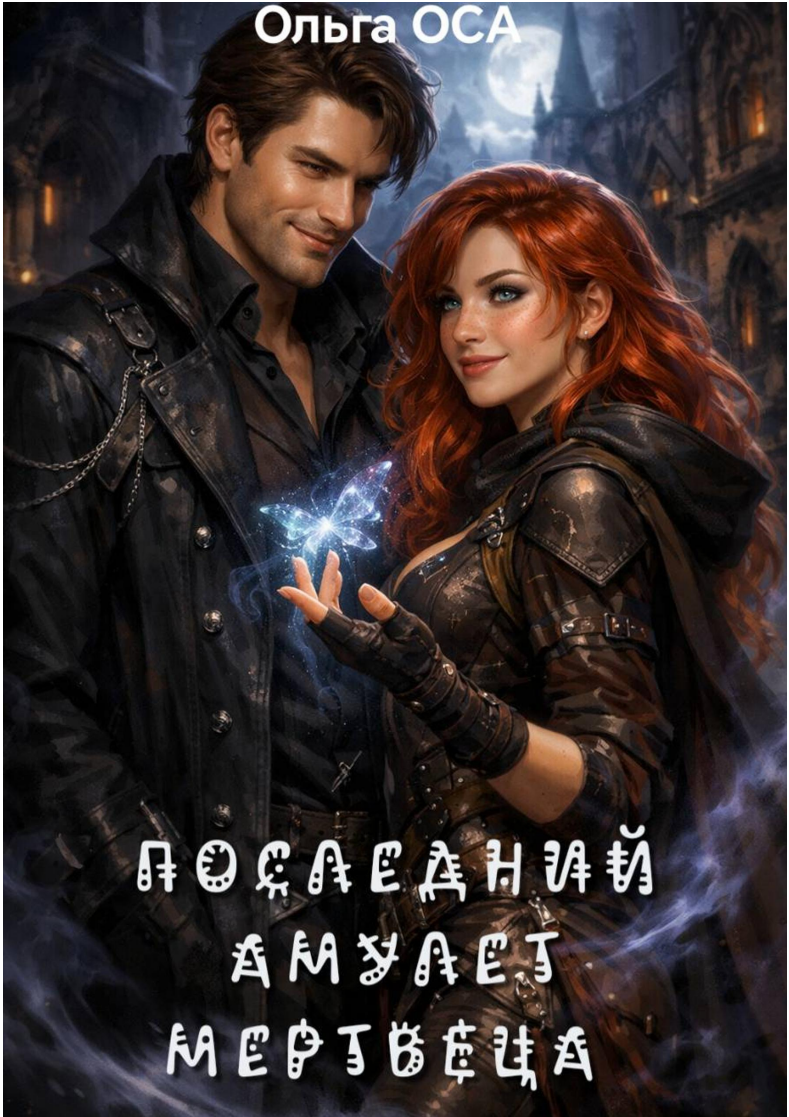
Ольга ОСА

Ольга ОСА

Последний амулет мертвеца

Серия «Грань миров. Шафран.», книга 5

https://litres.ru/74664924
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Крис. Я рыжая, дерзкая и профессионально ворую — красиво, с огоньком и спецэффектами, которым позавидовал бы любой столичный театр.

Моё правило простое: никаких привязанностей. Только бизнес.

Очередной заказ Гильдии должен был стать лёгкой прогулкой. Войти в поместье, забрать старинный кулон, получить деньги. План идеальный. Я — тем более.

Но что-то пошло не так с первой же минуты.

А ещё в этом поместье обнаружился он. Высокий, нахальный, с хитрой ухмылкой и глазами цвета расплавленной карамели. Говорит — сыщик. Смотрит так, будто знает обо мне больше, чем я сама.

Что-то мне подсказывает: это задание я надолго запомню.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	29
Глава 3	37
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ольга ОСА
Последний амулет мертвеца

Пролог

— Кияси мояси Ху?

Вот приблизительно так для меня звучат китайцы. Ничего не понятно, но очень, очень интересно! А вот мой Лешка — молодец. Все понимает. Он в свое время учился в Институте дружбы народов, жил в общаге с каким-то китайцем, тот его местным диалектам и научил.

Мы на Хайнане уже три дня. Прилетели в долгожданный, спонтанный романтический отпуск. Нет, это не медовый месяц, хотя, признаюсь честно, я спала и видела, как он достает заветную коробочку…

Просто однажды Лешка пришел домой, посмотрел на меня своим фирменным, пронзительным взглядом и выдал: «Хватит копить на несбыточные мечты, Крис! Надо жить здесь и сейчас. Жизнь одна!»

И мы... точнее, я... взяли все, что я откладывала несколько лет, отказывая себе в шмотках и кафешках. Мой первоначальный взнос по ипотеке. Мы пошли в турфирму, и Лешка так торопился «начать жить», что взял первый же вылет в Китай, на тропический остров Хайнань.

Ну а что? Раз любимый так торопится, значит, меня там ждет грандиозный сюрприз... Неужели наконец-то сделает предложение? Мы вместе уже шесть месяцев. А одна известная психологиня-блогер вещала: «Если мужик не делает предложение в первые три месяца — значит, что-то не так». Но мой просто неторопливый. Размеренный. Самый умный и самый лучший мужчина на свете. Завтрак в кровать приносит, вечером с работы встречает. Мечта, а не мужик! И я уверена, его ждет большое будущее, хоть он пока и в перманентном поиске работы. А я, как профессиональная ведущая, в людях разбираюсь. Выбираю только перспективных. Я в него верю.

Я невольно улыбнулась своим мыслям, вдыхая густой тропический воздух. Первые два дня мы гуляли, изучали колоритный город. А сегодня Лешка загадочно подмигнул и предложил сходить в местное казино.

— Представляешь, Крис! — вещал он. — Ты сможешь увидеть настоящее китайское закрытое казино вживую. Это же нереальный вайб! Здорово же?

Честно? Вообще не понимаю восторгов. Душно, шумно, пахнет дорогим табаком и чужим потом. Но раз любимый хочет... Значит, казино.

И вот сейчас я стою рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу в красивых туфлях, а он играет с каким-то тучным, мерзким китайцем. И этот тип нагло, липко и сально скользит по мне взглядом, от которого хочется пойти и помыться

с хлоркой. Но я — профессионал. Я держу лицо и приветливо улыбаюсь.

Смотрю на Лешку и... не узнаю своего уютного медвежонка. Глаза безумно блестят, зрачки расширены, губы беззвучно шевелятся, на лбу выступила испарина. А кучка фишек перед ним тает со скоростью летящего в атмосферу астероида.

Интуиция, взращенная на сотнях проведенных корпоративов, забила в набат.

— Леш, — я тихонько тронула его за плечо. — Чего-то мне здесь не нравится... Пошли в отель, а?

— Крис, детка, все под контролем, — он раздраженно дернул плечом, даже не взглянув на меня. — Чего ты начинаешь? Сейчас я отыграюсь. Подожди чутка.

И вот фишки закончились. Совсем. Голый зеленый стол.

Китаец вальяжно откинулся на спинку стула и завел с моим Лешиком тихий разговор, при этом продолжая масляно пялиться на мои ноги. В груди разлился липкий холодок. Недолго думая, я достала телефон. Включила гугл-переводчик в режиме прослушивания. Он, конечно, переводил с китайского кривовато, но суть уловить можно.

Я приставила телефон к уху, имитируя звонок, и натянула на лицо самую беззаботную из своих улыбок.

— Лешик, Надюха звонит с работы. Я поболтаю?

— Да-да, конечно, — отмахнулся он.

Он продолжил вести торг, а я уставилась в экран, читая

прыгающие строчки перевода:

«Нравится мне твоя баба» — выдал китаец.

«Так и мне она нравится» — это мой «идеальный» мужчина.

«Предлагаю тебе два варианта. Первый — я возвращаю тебе все, что ты мне проиграл, и забираю твою бабу на одну ночь. Второй — я ставлю все, что ты проиграл, и ровно столько же сверху, а ты — свою бабу. Выиграешь — и деньги, и баба твои. Проиграешь — баба моя. Пока не наскучит».

Воздух застрял в легких. Сердце пропустило удар, а потом забилось так, что зазвенело в ушах. Я весело, хотя голос предательски дрогнул, прощебетала в телефон:

— Ой, Надька! Тут так красиво и так жарко! — Я повернулась к столу. — Лешик, я в туалет. Не скучай.

Чмокнула его в потную, колючую щеку. Развернулась на негнущихся ногах и пошла в сторону уборных. Последнее, что успел уловить и перевести микрофон, была фраза Леши:

«Конечно, играем!»

Сука! Какой же он гад!

Меня замутило. Он реально поставил меня на кон. Он проиграл все наши... нет, все мои деньги! Он просто безработный нахлебник. Игроман. А я — дура слепая, поверившая в сказку! Не выиграл ни одной партии, а теперь решил отыграться моим телом?!

Я влетела в туалет. Сбрызнула ледяной водой горящее лицо.

Так. Кристина. Спокойно. Самобичеванием, слезами и проклятиями займемся потом. В безопасном месте. Сейчас нужно выбираться. Попасть в отель. Забрать паспорт, наличность, если этот урод ее не выгреб, и пулей в аэропорт.

Я приоткрыла дверь туалета на пару миллиметров. И тут же бесшумно ее захлопнула. В коридоре уже стояли два китайских мордоворота в строгих костюмах. Ждали свой выигрыш.

Вдох-выдох. Что я сейчас могу?

Я лихорадочно оглядела кабинку. Узкое окно под самым потолком. Можно, конечно, попытаться пролезть, но где гарантия, что мои бедра там не застрянут? Висеть попой кверху — перспектива так себе.

Дальнейший осмотр показал, что над кабинками, под самым потолком, есть техническая ниша — что-то вроде широкой полки. И я туда идеально влезу. Но мордовороты знают, что я в туалете. Надо сбить их со следа.

Я залезла на унитаз, дотянулась до окна и открыла его нараспашку. Даром, что потолки здесь низкие. Сжала в руке свой телефон... Прости, друг. И со шлепком выкинула его в темноту улицы. Пусть думают, что я вылезла, спрыгнула и в панике обронила аппарат.

Сама же подтянулась, закинула тело на пыльную полку и максимально вдавилась в стену, слившись с тенью. Я даже дышать перестала.

Не прошло и пяти минут, как в дверь туалета начали

агрессивно долбиться.

— Крис! У тебя там все хорошо? — раздался медовый голос предателя Лешика. — Выходи, детка! Хозяин казино приглашает нас на ужин. Очень хочет с тобой лично познакомиться!

Урод. Тварь. Проиграл. Быстро, однако.

Дверь в туалет просто вынесли с петель. Я зажмурилась, слыша грубую китайскую речь. Хлопнула дверца моей кабинки. Повисла пауза. И тут с улицы, сквозь открытое окно, донесся приглушенный рингтон моего выброшенного телефона. Лешка звонил. Песня вопила на весь переулок: «Нравится мне, когда ты голая по квартире ходишь...»

Снизу раздались возбужденные голоса мордоворотов. Лешка им что-то торопливо и заискивающе объяснял. Топот ног. Дверь туалета хлопнула, и они умчались на улицу ловить беглянку.

Ну давай, Кристина, включай голову. Тебя проиграли в казино. Но ты сбежала. Куда их в первую очередь поведет этот бывший парень? Конечно, в отель. Там мой паспорт. А это значит только одно: в отель мне точно нельзя. Надо попасть в консульство. Вопрос: где на этом тропическом острове консульство? Ладно. Разберемся. На Хайнане много русских, кто-нибудь поможет. Сейчас главное — выползти из этого здания незаметной.

Я тихо, стараясь не скрипеть пластиком, выбралась из своего спасительного укрытия. Выглянула в коридор. Мордово-

ротов не было. Зато в приоткрытую дверь зала я увидела того самого жирного китайца — он стоял спиной ко мне, яростно жестикулируя.

Вжимаясь в стенку, я добралась до неприметной двери в конце коридора и толкнула ее. Кухня. Бинго! В любой ресторации или клубе на кухне всегда есть выход на задний двор.

Я быстрым, уверенным шагом пошла между металлическими столами, выискивая нужную дверь. Поварята китайского разлива с ножами и сковородками в руках в шоке следили за моими передвижениями. Я же шла и лучезарно улыбалась. Как будто так и задумано. Периодически кивала им и выдавала бодрое: «Нихао!»

И вот она, дверь. Я толкнула ее и вывалилась в удушливую тропическую ночь. В лицо ударил запах гниющих отходов и специй. Свобода.

Делаем ноги. Телефона нет. Банковских карт нет. Налички нет. Я даже байк взять в аренду не могу... А вот угнать...

Да, я в безвыходном положении. Я крадучись подошла к припаркованным у черного входа скутерам. Спасибо этому недоделанному игроману, хоть ездить научил.

Сегодня мне везет: в замке зажигания одного из стареньких байков беспечно торчал ключ. Я бесшумно села в седло, завела мотор и рванула с места в карьер.

Куда ехать, я не знала. Но мозги работали исправно. Наверняка на прокатном или рабочем байке стоит GPS-маячок. Значит, надо скинуть его где-то подальше и продолжать путь

пешком.

Я гнала по ночным улицам, пока не выехала к побережью. Бросила байк прямо у кромки песка и побрела дальше своим ходом. Ночь была непроглядно темной. Адреналин отпускал, оставляя после себя дрожь в коленях, дикую жажду и звенящую усталость. Сон накатил лавиной. Я просто рухнула на какой-то пластиковый лежак прямо на пляже и мгновенно вырубилась.

Из тяжелого, муторного сна меня выбил громкий голос на ломаном русском:

— Не наша отеля. Уходить! Уходить сюда!

Я с трудом продрала глаза. Голова гудела.

— А... где я?

Китаец-охранник в униформе попытался что-то объяснить, махнул рукой и упрямо повторил:

— Не наша отеля. Уходить!

— Да ухожу я, ухожу! — огрызнулась я, растирая затекшую шею.

Живот свело от дикого голода. Я огляделась и увидела через дорогу большой туристический автобус с включенным мотором. Туристы! Там точно должны быть русские, кто-то же должен дать мне позвонить!

Я рванула к дверям, где стояла гид с планшетом.

— Комната 1475? — строго спросила она, преграждая путь.

— Эээ... — замялась я.

— Быстро в автобус! Только вас все ждут! — рявкнула она и тупо впихнула меня в прохладный салон.

Ну ладно... Доедем до места — там и спрошу.

Автобус тронулся. Я прислушалась к говору в салоне и похолодела. Русских тут не было! Сплошная иностранная речь. Смешанная экскурсия? Кажется, отельный гид что-то про такое рассказывал. Мы ехали долго. Вскоре автобус припарковался, и толпа вытряхнулась на залитую утренним солнцем площадь.

Мы приехали к знаменитой 108-метровой статуе богини Гуаньинь. Трехликая великанша возвышалась над морем, сверкая белизной. Помолиться, что ли? Авось чудо случится и консул сам спустится с небес на голубом вертолете.

Гид встала перед группой и начала на беглом, ломаном английском вещать про историю локации. Я не слушала. Все мои мысли метались по кругу: как выжить, где взять телефон и... как бы поесть.

— Экскурсия рассчитана на полтора часа, — громко скомандовала гид. — Гуляйте и подходите к автобусу. Запишите номер!

Я метнулась к ней, открыв рот, чтобы спросить про консульство или полицию, но она демонстративно вставила в уши наушники, отвернулась и ушла в салон с кондиционером. Отличный, мать вашу, сервис. Хорошо, что я за эту экскурсию не платила.

Я побрела к подножию колоссальной статуи. Монумен-

тальная. Красивая. Внушающая трепет туристам. И... абсолютно ненастоящая. Я всегда искренне верила, что боги — это лишь красивая выдумка, чтобы было чем пугать непослушных детей. Ну, и еще отличный способ заработка на доверчивых людях.

Я подошла к чаше, где верующие оставляли деньги. Вот так просто. Постояли, мысленно попросили богиню милосердия о здоровье или богатстве, бросили купюры и ушли.

«Самый легальный развод на деньги простых обывателей», — хмыкнула я.

Я оглянулась. Вокруг никого не было. Мой взгляд прикипел к ярким купюрам.

— Ну что, уважаемая богиня, — прошептала я, глядя на безмятежное каменное лицо. — Вам все равно, а мне эти деньги сейчас нужнее. Мне выжить надо.

Я быстро сгребла горсть купюр, сунула их в карман шорт и быстрым шагом пошла прочь, пока не нагрянула охрана.

Надо купить еды.

Спустя десять минут я стояла у местной палатки с чем-то, отдаленно напоминающим нашу шаверму. Жадно, обжигаясь, я кусала жирное мясо, почти не жуя.

Я подняла голову и посмотрела на небо. Облака над заливом клубились странно, густо. И вдруг из этих белых барашков прямо рядом со статуей начало формироваться... лицо. Огромное женское лицо.

Я замерла с набитым ртом. Ну, у меня определенно бо-

гатая фантазия на фоне стресса, но эти облака смотрели на меня очень, очень недобро.

Я на автомате сглотнула крупный кусок шавермы. И тут же поперхнулась. Воздух перекрыло. Я зашлась в жутком кашле, слезы брызнули из глаз. Только не хватало помереть под статуей из-за того, что подавилась едой, купленной на ворованные деньги!

А в голове вдруг четко, раскатисто и гневно зазвучал голос, от которого завибрировали кости:

«Не потерплю воровство в своем храме! Вернешься назад, лишь искупив свой гнусный поступок!»

Чего, блин?!

В следующую секунду я осознала, что мир вокруг замер. Птицы зависли в воздухе. Шум волн стих.

А небо... Небо над моей головой вдруг стало похоже на дно океана. Бескрайняя толща воды, искрящиеся кораллы, плывущие тени рифов.

И в следующий миг этот невозможный, перевернутый океан просто рухнул на меня всей своей тяжестью.

Темнота. Я даже не успела вскрикнуть.

Глава 1

И теперь вылетают голуби.

Отлично! Все идет по плану.

Белоснежные птицы с мягким хлопаньем крыльев взмывают над головами гостей, кружат под сводами бального зала, ловя своими иллюзорными крыльями отблески тысячи свечей. Из-под масок — восхищенные «Ах!» Дамы прижимают веера к груди, кавалеры снисходительно улыбаются, как будто сами такое могут. Лорд, устроивший бал — не помню, как его зовут, да и плевать, если честно — довольно крякает где-то в центре зала. Доволен, старый павлин. А я довольна, что он доволен. Отвлекся.

Голуби — моя работа. Иллюзия. И держать ее — то еще удовольствие. Это как жонглировать: один шарик — легко, два — нормально, три — уже надо подумать, а шесть десятков белых пернатых, каждый из которых должен махать крыльями по-своему, не слипаться с соседом и не растворяться в воздухе на глазах у публики — это, скажу я вам, спорт.

В висках давит. По спине между лопаток ползет первая капля пота. Корсет этого проклятого платья жмет так, что я, кажется, скоро начну дышать ушами.

"Ну, Жужа, твой выход, девочка. Не подведи." — мысленно взмолилась я.

И видимо, моя наглая напарница услышала, потому что

секунд через десять восторженные «Ах!» сменились другим гулом.

— Ох! Смотрите, белка на дороге!

— Она умирает?!

— Не трогайте ее, она заразная!

— Да вы что, лекаря! Матушке стало плохо!

Шум нарастает, перекатывается, как волна от входных дверей к центру зала. Шелестят юбки — дамы массово разворачиваются посмотреть. Кто-то истерично взвизгивает. Кто-то басовито командует «расступитесь!». Голоса стихают за моей спиной — толпа утекает туда, к парадной лестнице, где, видимо, моя рыжая артистка демонстрирует предсмертные конвульсии такого качества, что любой театр отвалил бы ей годовой контракт.

Пока белка отрабатывает свой гонорар — я быстро сделаю то, зачем сюда пришла.

Я юркнула в приоткрытую дверь библиотеки.

Здесь — тишина. Плотная, книжная, пахнущая старой кожей, пылью и воском. После бального зала с его духотой, духами и чадом свечей — как нырнуть в холодный пруд. Я на секунду прикрыла глаза. Отпустила голубей — пусть растворяются, уже не нужны. В голове сразу стало легче, будто кто-то вынул из нее тугой узел.

Так. Без лирики. Работаем.

Я целенаправленно пошла к синему ряду. Да, в этой библиотеке все было распределено по рядам разного цвета —

удобно, если ты хозяин. И не очень удобно, если ты вор, которому заказчик описал книгу в стиле «ну, синенькая такая».

Третья стойка от входа. Пятая полка сверху. Книга в синей обложке.

Я подошла. Задрала голову.

Да чтоб вас бездна сожрала.

Здесь ВСЕ книги синие. Темно-синие, светло-синие, с золотыми корешками, с серебряными, с какими-то вензелями, без вензелей, толстые, тонкие, одна вообще бархатная — глазам больно смотреть.

Как же книженция в заказе значилась? Вспоминай, Крис. Время поджимает.

— Легенды… — забормотала я себе под нос, ведя пальцем вдоль корешков. — Легенды дна… Нет, не дна… фу, что за ерунда… легенды…

И передо мной вырастает мужская рука. С нужной книгой.

— «Легенды Донного озера»?

Голос — низкий, бархатный, с легкой усмешкой. Чарующий, зараза. У меня по позвоночнику пробежала щекотная искра — чисто рефлекторно, тело реагирует быстрее мозга.

Я поднимаю глаза на обладателя этого голоса.

И подвисаю.

Красивый мужик. Нет, не так. Красивый МУЖИК. Широкие плечи, обтянутые черным, явно дорогущим камзолом. Глаза цвета расплавленной карамели — теплые, с золотистыми прожилками у зрачка, смотрят с ленивым интересом из-

под простой черной маски. А на волевом подбородке — милая ямочка. Прям такая, в которую хочется ткнуть пальцем и сказать «тю-тю-тю».

Пахнет от него чем-то цитрусовым, холодным, свежим — я на секунду зависаю, потому что запах до одури знакомый. Что-то из прошлой жизни. Флакон в дьюти-фри, темная коробочка… Hugo Boss, что ли? Вкусный был аромат. Очень вкусный.

Мозг тут же включает тревожную сирену.

От таких мужиков стоит держаться подальше. Да и в принципе от мужиков. Спасибо, из-за одного такого красавчика я уже оказалась в другом мире — и, знаете, второго раза я как-то не планирую.

— Благодарю, нессер.

И я ловко схватила книгу из его руки — быстро, профессионально, не задерживая пальцы на его пальцах, хотя они, зараза, были теплые и аккуратные, с коротко подстриженными ногтями — и шмыгнула между стеллажом и этим шикарным телом.

Протискиваться пришлось вплотную. Плечо проехалось по его груди — твердой, как дубовая доска. На секунду я оказалась практически в его объятиях — он не шевельнулся, не отступил, только, кажется, слегка приподнял руку, чтобы меня пропустить, и от этого движения волной накатил цитрус.

Я выдохнула только с другой стороны стеллажа.

Потом замерла. Что-то в его молчании мне не понравилось. Он даже не возмутился. Не спросил, кто я, что я тут делаю, почему хватаю книги. Просто стоял и смотрел — я спиной это чувствовала.

Повернулась к нему. И нагло заявила:

— Вы меня не видели. Чао!

И, послав ему воздушный поцелуй, скрылась за дверью.

Фух.

Хорошо, что это бал-маскарад и все в масках. Даже если этот красавчик обо мне и расскажет — описать точно не сумеет. Да и я позаботилась о своих приметных рыжих волосах — заранее их покрасила временной краской. Она меня уже не раз выручала: действует ровно три часа и просто испаряется с волос, правда, потом голову надо мыть сразу, иначе чешется так, что хоть на люстру лезь. Да, я, конечно, могла бы и иллюзию себе на волосы наложить, но тогда ее бы пришлось постоянно поддерживать — а это резерв. А резерв мне сегодня нужен был для голубей.

Я скользила по коридору быстро, но не бегом. Бегущая дама в бальном платье — это как табличка на груди «вяжите меня». А дама, идущая решительным шагом с чуть скучающим выражением лица — это дама, которой стало дурно от духоты и которая направляется подышать. Нормально. Обычное дело.

В главный зал я заходить не стала — обогнула по галерее, выскользнула через боковую дверь на террасу, оттуда —

вниз по лестнице в парк, оттуда — к парадному подъезду с другой стороны. Шум у лестницы все еще стоял — дамские «ах», мужские басы, чей-то капризный голос требовал нюхательную соль.

Я вздохнула. Интересно, как там Жужа. Сбежала уже или ее там еще реанимируют?

Ответ пришел мгновенно:

— Эта бешеная белка меня укусила! Ловите ее!

Ясно. Спектакль окончен.

Делаем ноги и идем на базу.

Маг.мобиль уже ждал у входа. Генри всегда пунктуален — за это и получает побольше, чем обычные местные таксисты, как я называю извозчиков маг.мобилей. Чёрная, обтекаемая машина мягко гудела, зависнув в своих законных двадцати сантиметрах над брусчаткой, руны по корпусу тускло переливались синим. Генри кивнул мне через лобовое — молча, как всегда. Он вообще мужик немногословный.

Как только я села — тут же открыла окно.

Как раз вовремя.

Рыжая молния влетела в уже трогающийся мобиль — приземлилась мне прямо на колени, растрепанная, с торчащими в разные стороны усами и очень недовольной мордой.

— Ну что, рыжая, не зря я там страдала?

— От рыжей слышу, — огрызнулась я, захлопывая окно. — Вот. Книга у меня.

Я вытащила из потайного кармана «Легенды Донного озе-

ра» и покрутила перед ее носом. Темно-синяя обложка, золотое тиснение, корешок потрепан — обычная старая книга. Ничего особенного. Но за нее нам обещали такую сумму, что я три дня спать не могла — все пересчитывала в уме, сколько это в обычной жизни.

— Фи… — Жужа брезгливо тронула лапкой корешок. — И кому-то не жаль денег ради какой-то книжонки.

— Жужа, мы же договаривались. Не обсуждать наших заказчиков. Чем они шибанутее — тем быстрее мы заработаем на собственный домик и…

— …кучу орешков, — мечтательно закончила белка, укладываясь на моих коленях пушистым полукольцом.

Да, моя напарница — наглая рыжая белочка. С пышным хвостом, умными черными глазами-бусинами и языком, которому позавидовала бы любая торговка на рынке. Она со мной с первого дня нахождения в этом странном мире, куда меня закинула Богиня Гуаньинь. Да, боги существуют. Сама в шоке, но это факт — факт, с которым я до сих пор не очень понимаю, что делать.

В этом мире я уже без малого шесть месяцев.

Пока Генри, по своей привычке запутывать следы, плутал по городу, увозя нас на базу, я откинулась на кожаную спинку сиденья и позволила себе выдохнуть по-настоящему. За окном плыли фонари — не газовые, не электрические, какие-то свои, с теплым янтарным светом внутри стеклянных шаров. Проезжали поздние прохожие. Проплыла, важно за-

драв нос, карета без лошадей.

Я смотрела на эту карету — и меня понесло.

Шесть месяцев. А кажется — вчера.

***

Темнота как наступила, так и резко исчезла.

А вот меня чуть не сбил автомобиль.

Без колес!!!

По виду — машина, но… плывущая по воздуху, буквально в двадцати сантиметрах от земли. Более того — ни звука! Ну, кроме клаксона и чего-то нечленораздельного из приоткрытого окна. Что-то вроде «куда прешь, безмозглая!» — но на незнакомом языке, который я почему-то понимала. Этот момент я уже потом в голове прокрутила. А тогда — тогда у меня все мысли свелись к одной: «йошкин кот».

Я огляделась.

Ну да. Я стою посреди дороги.

Перешла на тротуар — ноги на автомате, потому что мозг в этот момент занят был совсем другим, — и стала внимательно изучать окружение.

Таких летающих машинок было много. Да что там машины — автобус! Реальный автобус, плывущий по воздуху! Длинный, с рядами круглых окошек, с какой-то вывеской на боку — буквы незнакомые, но я почему-то прочитала «Южный маршрут, 14». А еще была карета. Без лошадей, без колес, но… с кучером! Солидный такой дядька на козлах, в цилиндре, с кнутом — непонятно для чего, бить-то некого.

И она тоже проплыла мимо меня.

Оттуда выглянула женщина с кислым лицом. Посмотрела на меня. Скривилась еще больше — хотя куда там больше. И скрылась снова за шторкой.

И чем я ей не понравилась?

Посмотрела бы я на нее. Сначала в казино проиграли — ладно, не я проиграла, а тот, из-за кого я тут вообще. Потом ночь на пляже на лежаке — спина до сих пор помнит деревяшки. А затем меня вообще небом прибило!

Я посмотрела на себя.

И тут до меня дошло.

Я не видела ни одного человека, ни мужчину, ни женщину… в шортах. Дети — да, пара мальчишек прошмыгнула мимо, оба в коротких штанишках до колена. Но женщины — максимум в брюках. И то — с моего наблюдательного пункта таких я видела мало. В основном юбки. Длинные, в пол, с какими-то рюшами, подъюбниками, непонятно чем еще.

А я тут. В белых коротких шортах. С голыми ногами до самого «ой».

Надо б переодеться, чтоб не привлекать внимание.

Легко сказать. Денег — ноль. Знакомых — ноль. Понимания, где я, — минус один.

Я посмотрела на свои ноги и представила, как мои белые шорты превращаются в белые клешеные брюки. Было б здорово…

И…

Шорты на моих глазах начали удлиняться.

Пока не превратились в брюки.

Я хлопнула глазами. Нет. Не исчезли. Моргнула еще раз — пожестче. Все еще брюки. Белые. Клешеные. Как мечтала.

Потрогала руками.

И…

Мои руки просто провалились сквозь «ткань» и коснулись кожи на ногах.

— О-фи-геть! Да это ж иллюзия!

Проходящая мимо тетка в чепце покосилась на меня, как на умалишенную. Я ей улыбнулась самой лучезарной из своих улыбок. Тетка ускорила шаг.

Ничего не понятно, но очень интересно.

Ладно. Надо б найти ночлег. Может, консульство… Пусть меня домой отправят. Хотя какое, к черту, консульство, если я, похоже, даже не на своей планете. И тут я похолодела. А что если я реально подавилась шавермой, купленной на ворованные деньги, и… и… и я умерла?

А это тогда что? Рай? Ад? Чистилище?

Я тряхнула головой. Волосы — рыжие, свои, еще не крашенные ни разу этой краской, о которой я тогда даже не подозревала — хлестнули по щекам.

Отставить панику!

Я от китайских бандитов сбежала не для того, чтобы сейчас растечься лужицей жалости к себе. Война план покажет. И я пошла в ту сторону, где мне показалось — больше домов.

Через пару шагов я заметила, что «брюки» стали прозрачнее. Как будто кто-то убавил резкость в фотошопе. Я нахмурилась и мысленно добавила плотности. Так-то лучше.

Я пока не понимала, как это работает. Но раз работает — значит, будем пользоваться.

Я забрела на местный рыночек.

Шум, крики, запахи — свежего хлеба, жареного мяса, рыбы, каких-то специй, которых я в жизни не нюхала. Прилавки, навесы, корзины с фруктами непонятного происхождения — что-то фиолетовое, пупырчатое, с хвостиком. Люди в юбках, в плащах, в смешных шляпах с перьями. Я глазела на все это, как ребенок в зоопарке.

Обратила внимание на деньги, которыми расплачиваются. Монеты. Медные, серебряные, какие-то совсем мелкие, бронзовые. У меня с собой китайские юани. Они здесь не котируются — в этом я была уверена примерно на сто процентов. Но кушать очень хочется. Желудок уже не ныл — он откровенно скандалил.

И тут я увидела, как пацаненок украл у мужика кошель.

Шустрый такой, лет десяти, босой, в драных штанах. Подрезал на ходу — красиво сработал, если бы я не следила за толпой, не заметила бы.

Отлично.

Я юркнула за ним. Проследила до переулка. И там, когда он остановился перевести дух, — схватила тщедушное тельце за ворот.

— Воровать нехорошо!

— Отпусти, дылда!

— И оскорблять тоже.

Пацан заизвивался, как уж на сковородке. Худой, легкий, одни кости и злые глаза.

— Чего ты хочешь? Шакалам сдашь?

— Пфф, вот еще! Делись давай!

Пацан аж дергаться перестал и ошарашенно на меня уставился. Видно было, как у него в голове крутятся шестеренки — такой вариант развития событий в его картину мира не вписывался.

— Ну а что ты хотел? — я пожала плечами. — За все надо платить. Украл, выпил, в тюрьму! Не хочешь в тюрьму — делись.

Пацан все так же глядя на меня пятирублевыми монетами в глазах, медленно достал кошель из-за пазухи. Я ловко вырвала кошель из его рук, одновременно его отпуская.

— Эй! Это мое!

— Не «Эй», а Крис.

И я абсолютно спокойно открыла кошель. Вытащила деньги. Пересчитала их — не быстро, медленно, с чувством, с толком, под его возмущенное сопение. Ровно половину отдала мальцу. Вторую половину убрала в карман шорт, которые все еще были брюками.

И тут услышала за спиной:

— У меня в кошельке был маячок для отслеживания! Нам

сюда!

Голоса — мужские, уверенные. И тяжелый топот сапог следом — несколько пар. Стража. Обокраденный мужик, похоже, оказался не промах — пошел не ругаться на рынок, а сразу в стражу, с маячком наперевес. Умно. И очень не вовремя.

— Вот блин! Бежим, мелкий!

И мы рванули.

Через рыночные ряды — задели прилавок с какими-то глиняными горшками, за спиной грохот, мат, — через узкий переулок, через чей-то двор с развешенным бельем, — простыня хлестнула меня по лицу, пахнуло мылом, — снова в переулок, за угол, еще за угол. Пацан бежал, как заяц, — я с трудом за ним успевала. Хорошо хоть босоножки на мне были без каблука — иначе ковыляла бы, как цапля, и давно уже сидела бы в местной каталажке.

Наконец, выдохшись, мы остановились в каком-то тупичке. Пацан смеялся — беззвучно, трясясь всем своим худеньким телом. Потом ткнул в меня пальцем:

— Ого! Ты штаны потеряла, пока бежала!

Я опустила глаза. И правда — на бегу не до концентрации было, брюки растаяли, остались мои белые шорты, с рваным, кстати, краем — тоже на бегу где-то зацепила.

Я хмыкнула.

— Есть такое. Ладно, пора прощаться. В следующий раз убедись, что тебя точно никто не видел.

И, подмигнув пацаненку, я вышла на шумную улицу рынка — предварительно вернув себе «брюки».

Надо купить поесть.

Я медленно шла вдоль прилавков, принюхиваясь. Ммм… Какие плюшечки. Румяные, золотистые, посыпанные чем-то вроде корицы, лежат горкой на деревянном подносе. Рот наполнился слюной. Я подошла к торговке — круглой тетке с добрыми глазами, — протянула монетку. Та что-то мне буркнула — то ли «на здоровье», то ли «проваливай», я не разобрала, — но плюшку дала.

Я взяла плюшку и медленно пошла, попутно смакуя нежный горячий мякиш. Внутри — что-то вроде повидла, сладкое, тягучее. Я прикрыла глаза от удовольствия. После суток без еды это было божественно.

Но далеко я отойти не успела.

На меня просто заорали:

— Куда прешь, дылда рыжая?!

Глава 2

Я чуть не подавилась ароматным мякишем. Огляделась по сторонам, ища глазами наглую базарную торговку. Никого. Прохожие спешили по своим делам, не обращая на меня никакого внимания.

— Эй! Покажись! — буркнула я в пустоту. — А то из-за угла оскорблять мы все горазды!

— Так ты еще и слепая вдобавок. Под ноги надо смотреть!

Я на автомате опустила глаза. И если бы за секунду до этого я не проглотила кусок выпечки, то он бы просто вывалился у меня изо рта.

Прямо передо мной на брусчатке сидела... белочка.

Реальная. Живая. Рыжая. Белка!

Она стояла на задних лапках, сложив передние на пушистой груди, и недовольно отстукивала ножкой (?) по камню, глядя на меня снизу вверх с явным превосходством.

— Что вылупилась, рыжая? Белок никогда не видела? — пискляво, но очень чётко произнесла животинка.

— От рыжей слышу, — на автомате парировала я.

И тут же замерла. Все. Приплыли. Я словила белочку. В прямом, так сказать, смысле. Вот оно, рыжее, пушистое доказательство сидит прямо передо мной и права качает. Значит, вариант с попаданием в другой мир отменяется. Я либо умерла от той шавухи, либо лежу сейчас где-то в подворотне

Хайнаня, пускаю пузыри от тяжелого пищевого отравления и вижу галлюцинации.

Я молча, абсолютно отрешенно развернулась от предмета моего сумасшествия на сто восемьдесят градусов и пошла в противоположную сторону.

Ну белочка... Ну словила... Ну бывает. У людей вон и зеленые человечки по стенам ползают. Может, меня еще откачают?

— Эй! Ты куда пошла?! Мы еще не договорили! — донеслось мне вслед.

Так, главное правило работы с галлюцинациями: если сделать вид, что я ее не слышу, то она сама развеется. Ведь так? Я начала ускорять шаг, стараясь слиться с толпой и не слышать этот возмущенный беличий голос. Говорящая белка... Нет, ну а что такого? Автобусы вон в моей коме летают без колес, почему бы и белкам не разговаривать?

Тут до моего слуха донесся нарастающий шум за спиной. Я рефлекторно развернулась, и в этот момент прямо мне в грудь пушечным ядром вписалась та самая белка. Острые коготки вцепились в мою футболку.

— Че встала как вкопанная?! Ходу давай, ходу! И спрячь меня, быстро! — заверещала она, пытаясь забиться мне под мышку.

Я подняла глаза и увидела, как к нам, расталкивая торговцев, на всех парах несутся двое стражей правопорядка в форменных камзолах.

Бежать бессмысленно — догонят за два шага. Да и, может, это вообще не ко мне? Но, судя по тому, как они сфокусировали на мне взгляд, — именно ко мне.

Так. Мои иллюзорные штаны на мне? На мне.

— Не шевелись и молчи. Ясно? — прошипела я сквозь зубы.

Я сказала это так грозно, что белка ошалело сглотнула и лишь торопливо кивнула.

А я зажмурилась на секунду и представила, во всех мельчайших подробностях, что на руках у меня сидит не белка, а маленькая, рыжая, пушистая кошечка с белым пятнышком на носу.

Хорошо. Теперь штаны. Блин, они от волнения почти исчезли, опять просвечивают коленки!

Надо как-то удерживать концентрацию на двух предметах одновременно и при этом непринужденно пообщаться со стражей. Вдох-выдох. Я профессиональная ведущая, я проводила корпоративы, где дрались не на жизнь, а на смерть. Я справлюсь. А потом найду библиотеку. Нужно срочно понять, как с этими голограммами работать. И кажется, я все же не умерла, а реально оказалась в магическом мире с говорящими белками. Потому что галлюцинация оказалась не эфемерной, а очень даже живой, теплой и с бешено колотящимся сердцем.

— Доброго дня, несси! — один из стражей тяжело дыша затормозил прямо передо мной. — Можно вашу белку?

— Здравствуйте, господа, — я захлопала ресницами с самым невинным видом. — Какую белку?

— Мелкую рыжую воровку, что у вас на руках! — нетерпеливо выдал второй страж.

— Простите... — я возмущенно выгнула бровь. — Зачем вам моя кошка? И почему вы ее называете воровкой?

Я приподняла белку, скрытую под иллюзией кошечки, на уровень своего лица и укоризненно цокнула языком:

— Рыжуля, я не поняла? Ты снова сосиски у мясника воровала? Но тебе же нельзя столько жирного! Животик болеть будет! А уж какая вонь потом от тебя по всему помещению...

Боже, какой же бред я несу! Но... стражи, тяжело дыша, ошалело уставились на мою «рыжую кошку».

— Простите, несси... Обознались, видимо, — первый страж сконфуженно потер шею. — Белка тут на рынке промышляет. Ворует безбожно. И ладно бы орехи таскала... Так она, зараза, дорогие ювелирные украшения ворует у зевак! Вот зачем белке золотые броши, спрашивается?!

Мужики синхронно почесали затылки.

— Еще раз извините. Ввел в заблуждение окрас вашей кошечки. Доброго дня. Увидите наглую белку — скажите любому из стражей. Мы давно уже ее ловим.

Они козырнули и разочарованно побрели прочь, вглядываясь в толпу.

— Фух! — выдохнула белка мне в грудь. — Чуть орехов тебе в руки не наложила от страха!

— Вот давай только без твоих «орехов» мне в руки, — поморщилась я, поудобнее перехватывая пушистое тельце. — Что украла? Показывай!

Но белка не спешила хвастаться добычей. Она уставилась на меня черными бусинками глаз.

— Ты менталист? Почему они видели во мне кошку?

Я лишь хмыкнула и, аккуратно придерживая животинку на сгибе локтя, подошла к зеркалу, выставленному у одного из антикварных лотков.

— Мать моя, белочка! Я кошка! — взвизгнул зверек, увидев свое отражение. — Эй, рыжая! А ну быстро расколдовала меня обратно!

— Эмм... Тут есть небольшая загвоздка, — протянула я.

Я быстро отошла с причитающей белкой подальше от людских глаз, в подворотню.

— Какая еще загвоздка?! Я не хочу быть кошкой! У меня престиж!

— Я понятия не имею, как снимать эту вашу иллюзию, — честно призналась я. — Я просто больше не концентрируюсь на образе. Значит, скоро само должно спасть.

Белка, сидя у меня на руках, задумчиво почесала ухо.

— О! Так ты иллюзионист! Магия иллюзий. Редкий и крайне полезный навык в нашей сфере... А ты в какой банде состоишь?

— Банде? — пришел мой черед удивляться.

В итоге, пока моя иллюзия медленно таяла, возвращая

белке ее законный облик, пушистая прохиндейка просветила меня об устройстве местного криминального мира. Оказалось, в столице существует огромная Гильдия воров. В нее входят как одиночки, так и целые банды.

В банде хорошо и комфортно. Тебя поят, кормят, есть надежная крыша над головой, тебя защищают свои. Но при этом ты почти все, что зарабатываешь непосильным воровским трудом, отдаешь главарю. И именно главарь решает, куда тебя отправить на дело и как жестоко наказать в случае провала.

Когда ты одиночка — ты свободен. Ты всего лишь платишь небольшую мзду самой Гильдии за то, что у тебя есть доступ к общей доске заданий. Ты можешь выбирать, за что браться. Правда, там есть строгая градация репутации.

Вступаешь в Гильдию как неизвестный новичок — и сначала можешь рассчитывать только на самые низкооплачиваемые, черновые задания. Вроде «снять кошку с дерева за три медяка» или «проследить за неверным мужем». Выполнил десять таких заданий без косяков — переходишь на уровень выше, можешь брать заказы подороже. Проходишь этот квест успешно? Идешь еще выше.

Самые крутые, опасные и высокооплачиваемые заказы (вроде кражи артефактов из закрытых хранилищ) — это последняя ступень доверия. Находясь на ней, ты можешь выбирать абсолютно любые задания и диктовать свои условия.

Но одиночки редко добираются до топов. Обычно они си-

дят на среднячковых заданиях. Если ты работаешь один, то физически многого не сможешь сделать (особенно когда попадается заказ для целой группы взломщиков). Ну и еще жирный минус быть одиночкой: крышу над головой, документы и пропитание ищи сам. И не стоит забывать про конкуренцию: в банде за тебя открутят голову любому, а будучи одиночкой — изволь стоять за себя сам в темном переулке.

— Так... Суть понятна, — кивнула я, переварив информацию. — Работать на чужого дядю и отдавать ему свои кровные я не собираюсь. Мне и на Земле в агентствах этого хватило. Так, рыжая, рассказывай: где эту вашу Гильдию найти и сколько стоит в нее вступить?

— От рыжей слышу. Я — Жужа, — гордо вздернула нос белка.

— Очень приятно, Жужа, — я искренне улыбнулась. — А я Крис.

— А ты чего это удумала? — подозрительно прищурилась она. — В одиночки податься?

— Ну а чего мне остается делать? — я развела руками. — Я без документов... Непонятно где... А быть на рабских условиях в банде и отдавать все деньги жирному боссу? Нет уж. Увольте. Наелась.

Жужа несколько секунд сверлила меня взглядом, потом решительно хлопнула лапкой по своему пузику.

— Хорошо. Уговорила. Вступаю в твою банду! Пошли регистрироваться в Гильдию.

Я аж опешила от такой незамутненной наглости! Вот это прохиндейка! Сначала просит ее спрятать, потом оценивает мою магию, а теперь сама набивается ко мне в команду, еще и подавая это как одолжение!

Но спорить я не стала. От местной я не отставала, а гид по этому сумасшедшему городу мне сейчас жизненно необходим. Надо вступить в Гильдию, взять первое задание и найти, где переночевать. Так все и началось. Наш дуэт.

Глухой голос Генри вывел меня из уютного транса воспоминаний.

— Приехали, несси Кристина. База.

Глава 3

— Вот. Заказ выполнен. Где мой гонорар?

Я положила перед Гинтером тонкую синюю книгу — ту самую, из-за которой я чуть не сварилась в бальном платье и познакомилась с мужиком, пахнущим Hugo Boss. Книга глухо стукнула о столешницу. Гинтер даже не дрогнул — только скосил на нее глаз, оценил, кивнул своим мыслям.

Передо мной толстый мужичок, а по совместительству — мой куратор в гильдии. На самом деле — он единственный, кто согласился нас курировать.

Как же все ржали в тот день, когда я с белкой заявилась и спросила, где взнос можно внести… Всерьез нас тогда никто не рассматривал. Еще бы… В мужской промысел — девка решила войти. С рыжей белкой на плече. С выражением лица «ну и чего вы ржете, мужики, работать когда начнем».

А вот Зрящий — как называли Гинтера Вона в гильдии — решил дать мне шанс.

Одновременно со мной пацан пришел. Непонятного возраста. Тощий как жердь. Кожа да кости. Глаза — голодные, злые, цепкие. Такие глаза бывают у тех, кто ел последний раз позавчера, а в последний раз спал под крышей — вообще не помнит когда.

Так нам устроили соревнование.

Рынок. И ровно час на то, чтоб обчистить прохожих. По-

падемся стражам — наша проблема. Ну и в гильдию можем больше не соваться. Через час побеждает тот, кто больше наберет.

Правда, Жуже запретили участвовать. Как оказалось, моя белочка — очень известная воровка в «узких кругах». Когда ее мордочка — в своей натуральной рыжей красе — появилась в гильдии, половина присутствующих хором выдохнула «эта…», а вторая половина потянулась проверять карманы. Я тогда еще подумала: ну всё, с кем я связалась.

И да. Что интересно. Белку, кроме меня, никто не слышал. Для всех она просто пищала.

Жужа потом мне с умным видом заявила, что мне просто крупно повезло, что я ее слышу. Иначе сгинула б без нее. Рыжая интриганка.

Сейчас уже и вспоминать не хочется тот час на рынке.

Украла я, на самом-то деле, не много. Руки у меня тогда дрожали, иллюзии держались так себе, а главное — я поняла, что красть у живых людей, пусть даже у теток в чепцах и мужиков в цилиндрах, — это тебе не кино смотреть. У тебя при этом внутри все сжимается в маленький холодный узелок и ноет.

Просто Кеша — так звали моего соперника — попался стражам.

Увы.

Ну и Зрящему пришлось отвечать за свои слова.

Но я его еще ни разу не подвела.

И бралась за все, что бы ни давал.

Поэтому за шесть неполных месяцев я выросла почти до уровня ооочень дорогих заказов. По сути остался всего один заказ до верхней ступени. Очень надеюсь его как можно быстрее получить.

— О! Волшебница наша явилась. А шустро ты! — Гинтер хлопнул пухлой ладонью по книге, потом убрал ее куда-то под стол — у него там, видимо, был сейф, или волшебный карман, или просто бездна. — Деньги можешь в кассе получить, ну и сразу оплатить взнос.

Я кивнула.

Расчет получила быстро — девица на кассе отсчитала монеты, не глядя мне в глаза (меня тут вообще мало кто жаловал взглядом), ссыпала в кошель, подвинула. А вот взнос с меня взяли конский.

Я уставилась на цифру в квитанции. Моргнула. Еще раз моргнула. Нет, не померещилось.

— Почему такая сумма?

— Зрящий сказал, что ты уже не одиночка. Ладно, когда у тебя лишь белка была, но теперь у тебя свой прикормленный водитель и еще пацан в помощниках. Все. Это уже банда. Кстати, какое название мне зафиксировать?

У меня аж челюсть отвалилась.

Да, я с казематов выкупила пацана, который тогда со мной соревновался. Он за несколько месяцев стал еще худее — хотя куда там, казалось, уже некуда. Выгребла я его оттуда

с одной задачей: мне просто нужен был помощник. Я же хотела перейти на высшую ступень — и нужен был преданный мне человек. А кто будет более преданным, чем человек, которого вытащили из тюрьмы и накормили.

Ну а водитель… Так он лишь по вызову, как обычный таксист, приезжает!

— Ну а белка вообще не человек! — я возмущенно всплеснула руками. — Прости, Жужа!

Я посмотрела на напарницу — та сидела на моем плече, скрестив лапки на пузе, и была полностью согласна с моим негодованием. Даже хвост у нее подрагивал от праведного гнева.

— Гинтер, где справедливость?!

— Крис, девочка, — Зрящий сложил руки на своем необъятном животе, и живот от этого жеста будто еще немного вырос. — А я что могу? Приказ сверху: как только у одиночки появляется напарник, все. Это банда. А у тебя по сути банда с самого начала была.

И он выразительно посмотрел на белку.

Ну да. Жужа у нас белка-рецидивистка. С личным делом в архиве гильдии, с репутацией, с нажитым имуществом в виде схрона где-то в дупле — координат которого она не раскрывала даже мне.

Гинтер вздохнул:

— Я итак для тебя выпросил поблажку в платежах. Все же ни одного промаха.

Я стиснула зубы.

Нет, он, конечно, прав. По-своему. По-гильдейски. По той логике, по которой «семья» — это банда, «работа» — это кражи, а «справедливо» — это столько, сколько скажет Зрящий. Логика у них тут своя, и спорить с ней — все равно что спорить с ценой на хлеб. Можно. Но хлеб от этого не подешевеет.

Потом резко выдохнула:

— Спасибо, Гинтер. Но мы теперь на мели. Дай тогда еще заказ. Но так, чтоб нам потом было на что поесть.

Зрящий почесал бороду.

Борода у него была знатная — рыжеватая, с проседью, лопатой на пол-пуза. Он ее чесал, когда думал. Я уже выучила этот жест — когда борода идет снизу вверх, значит, думает всерьез. Когда сверху вниз — просто тянет время.

Сейчас борода пошла снизу вверх.

— Есть у меня один заказ… Но он все же не для девочки, Крис. Без обид.

Я вздернула бровь.

Гинтер хорошо знал этот взгляд.

Вызов принят.

Он тяжело вздохнул, повозился под столом, достал папочку. Темно-коричневая, с какой-то выдавленной эмблемой — вроде закрытого глаза. Положил передо мной.

— Это заказ из высшей лиги, если ты понимаешь, о чем я. И если ты его провалишь… нормальных заказов тебе потом

ох как долго не видать. Ты уверена, что готова рисковать? Тебе до верхней ступени всего один успешный заказ остался.

Я подвисла.

Он, конечно, прав.

Высшая лига — это не прежние задания. Это другой уровень. Другие ставки. Другие сроки. И другие последствия — если облажаешься, тебя не просто вернут на средние заказы, тебя обратно до самого низа могут скинуть. До «снять кошку с дерева за три медяка». И будешь ты, Крис, всю оставшуюся жизнь снимать этих треклятых кошек, пока не поседеешь.

И если мы сейчас облажаемся, то не видать мне домика, а Жуже орешков.

Я посмотрела на подельницу.

— Рискуем, рыжая?

— От рыжей слышу. Конечно, рискуем! Так же гораздо веселее.

И я четко увидела алчный огонек в ее глазах.

Знакомый огонек. Этот огонек у нее зажигается в двух случаях: когда она видит грецкий орех размером крупнее обычного — и когда речь идет о больших деньгах. Жужа у нас натура предприимчивая. Если бы белки могли открывать банки — она бы уже владела филиалом.

Гинтер лишь покачал головой, когда я взяла папку.

Как только я к ней прикоснулась — запястье обожгло знакомой болью.

Печать принятия заказа.

Короткая вспышка, укол, будто иглой под кожу, — и на внутренней стороне запястья проступил черный узор. Тонкий, витой, напоминающий закрытый глаз — тот самый, что был выдавлен на обложке. Теперь он исчезнет лишь после выполнения задания.

Или провала…

Но там ее уже будет снимать гильдия. И мало того что это больно — так это еще и затратно. За снятие придется платить. Я один раз видела, как снимали печать у провалившегося воришки — мужик, здоровый, с ручищами как у кузнеца, орал так, что в соседнем квартале посуда звенела. А после еще неделю ходил с перебинтованной рукой и смотрел на мир так, будто мир лично ему что-то задолжал.

При Гинтере, разумеется, я смотреть папку не стала.

Сунула под мышку, кивнула Зрящему, подхватила Жужу — и мы отправились домой.

А вот дома — в съемном флигеле старинного особняка одной доброй бабулечки — мы впятером сели, раскрыли и стали изучать.

Почему впятером?

Ну… Зрящий прав… У меня за шесть месяцев действительно организовалась мини-банда.

Хотя я это называла — кружок по интересам.

Итак.

Я. Жужа. Кеша. Разумеется, Генри — да-да, мой водитель тоже в доле, и я ни капли об этом не жалею: сколько раз он

наш зад с Жужей спасал, просто вовремя подъехав. Ну и… барабанная дробь!.. Несси Адалия Гораль. Бабулечка с острым умом и хорошей памятью, у которой я и снимала флигель.

Денег она с меня категорично не брала. Взамен же потребовала участие в моих заданиях. И нет, конечно, бабулечку никто не заставлял бегать от стражей, но вот задание, где нужно собрать сплетни, пустить сплетни, получить приглашение, кого-то исключить из приглашения, или как вариант сыграть роль умирающей старушки — это все пожалуйста. Адалия в такие моменты расцветала, как юная барышня на первом балу. Говорила — «девочка моя, в моем возрасте надо чем-то себя занимать, иначе так и помру от скуки, а я к этому не готова».

Кеша — мои глаза и уши. Сбор информации, обследование объекта, изучение обстановки, выверение плана, ну и просто мелкие задачи, где требуется скорость и сноровка — это все к нему. На вид ему лет шестнадцать — тощий, жилистый, с резкими скулами и слишком взрослыми для его лица глазами. Выкупила я его из казематов относительно недавно, и отъедаться после тюрьмы ему еще долго — скулы все такие же острые, запястья все такие же узкие, но взгляд уже другой. Не затравленный. Спокойный. Такой взгляд бывает у того, кто точно знает — сегодня его накормят.

Генри же — помимо того что водитель отличный — это еще и кладезь информации. Кого он только не возил в сво-

ем таксо. Политиков, купцов, любовниц политиков, жен купцов, любовников жен купцов — весь город у него в голове разложен по полочкам, как картотека. А еще у него руки золотые. Адалия как только на нем не ездит: здесь внучек протекло, там что-то шумит, тут дверь не закрывается, а вот эту люстру, Генри, миленький, вы мне не поправите, а то она висит криво уже третий год и действует мне на нервы.

Ну и Жужа. Звезда местного разлива. Остра на язык — и ей крупно везет, что, кроме меня, ее никто не слышит, а то, чую, у кого-то особенно обиженного стояло бы ее чучело на каминной полке в качестве назидательного экспоната.

Я раскрыла папку.

В папке лежала картинка. На картинке — какой-то кулон. На тонкой цепочке. Темный камень в оправе, вокруг камня — завитки металла, то ли серебра, то ли чего-то посерьезнее. И подпись:

«Тот самый амулет Азариса».

Хммм…

— Что за Азарис? — задал вопрос, который, по-моему, у каждого всплыл в голове, Кеша.

— Азарис, Азарис… — пробормотала Несси Адалия, прищурившись и глядя куда-то в потолок. — Что-то знакомое…

— Написано, где выкрасть? — главный вопрос от Генри.

И мы все прилипли к бумагам.

Судя по скрупулезно собранным данным от заказчика,

данный амулет хранится в поместье одного старого затворника.

— Девочка моя, к нему на кривой кобыле не подъехать. Уж я-то знаю…

И взгляд такой затуманенный…

Определенно Несси Адалия пыталась к нему подкатить.

И видимо не раз.

Я переглянулась с Жужей. Жужа — со мной. Мы поняли друг друга без слов. Этот разговор мы потом аккуратненько у бабулечки выпытаем. С чайком. С печенюшками. С фразой «ну расскажите, Адалия, вы же такая интересная женщина, у вас, наверное, целый роман с этим затворником был». Такие вещи грех не использовать в работе.

— Так! — я хлопнула ладонью по столу, собирая всех. — Друзья, давайте распределимся. Здесь указан срок — до ближайшего полнолуния. А значит, времени совсем мало. За работу!

Глава 4

Выяснилось, что старый затворник таким был ой как не всегда. По молодости он был еще тем ловеласом, и к его ногам кто только не падал. Наша Адалия, разумеется, исключением не оказалась. Правда, бабулечка наша в те годы и сама была ох какой звездой. Крутила роман сразу с двумя — с нессером Аврилом Новаком и его лучшим другом, нессером Каленом Горалем.

Новак засыпал ее дорогими подарками: драгоценности, редкие ткани, букеты из оранжерейных цветов — все, что только могла пожелать юная баронесса. А вот Гораль похвастаться подобным не мог: происходил он из обедневшего графского рода, и все, что у него было, — это титул. У Новака же, наоборот, титула не было, зато денег — хоть пруд пруди.

И бедная Адалия просто разрывалась. С одной стороны — сытая, безбедная жизнь. С другой — статус, но с перспективой перебиваться с копейки на копейку. Сама-то она была баронессой, да не первой и не единственной дочерью, а значит, большого приданого за ней не давали. И казалось бы — выбирай обеспеченного Новака да живи припеваючи. Но...

Вмешалась любовь.

Гораль служил в армии короля. А в то время как раз начались волнения на границе. И пока наша Адалия порхала

с бала на бал и благосклонно принимала знаки внимания от Аврила, Кален получил серьезное ранение. Его перевезли в столичную лечебницу. Ну и... как это обычно бывает... Адалия стала чаще наведываться к раненому, ухаживать за ним, менять повязки, читать вслух. И как-то само собой получилось, что когда Кален, бледный и исхудавший, протянул ей дрожащую руку и попросил стать его женой, — Адалия уже не смогла сказать "нет".

А вот Аврил воспринял это как самое настоящее предательство. Какое-то время держался, а потом перестал выходить в свет. Распустил большую часть прислуги. Закрыл двери поместья. И стал затворником.

Сама Адалия, конечно же, романтично приписывает всю эту драму себе. Мол, она такая роковая женщина, что разбила сердце молодому мужчине, и он просто не смог этого пережить. Но я, как натура более прагматичная, уверена, что причина никак не связана с юношеской влюбленностью. Мало ли что могло случиться с человеком за столетие? Долги, неудачная сделка, болезнь, да хоть разочарование в людях в целом. Но кто я такая, чтобы портить светлую память о былых днях уважаемого члена нашего кружка по интересам?

Жужа, кстати, историей прониклась. На мои прагматичные выводы она лишь скривила свою усатую мордочку и выдала:

— Сухарь ты, Крис. Бесчувственный рыжий сухарь. Вот влюбишься — посмотрю я на тебя!

— С чего это ты взяла, что я влюблюсь? — фыркнула я.

— А с того. У всех рано или поздно случается. Даже у рыжих сухарей, — она назидательно подняла крошечный коготок. — Особенно у рыжих сухарей!

Я лишь посмеивалась. Но во всей этой душещипательной истории был один глобальный минус — как нам попасть в дом к затворнику, если он на Адалию "обиделся"?

— Ну как-как? — хмыкнул Генри, вальяжно развалившись на стуле. — Вообще-то он на днях устраивает бал в честь своей помолвки.

Я чуть чаем не поперхнулась.

— Генри? Ты о чем это?!

— Да вез я на днях одну такую... — он выразительно обрисовал руками в воздухе весьма внушительные формы, — фигуристую, в общем. Из разговора понял, что она то ли дочка, то ли внучка невесты. Болтала всю дорогу без умолку. Говорит, свадьба века намечается. Жених, мол, из общества выпал на столетие, а тут вдруг решил снова всех удивить.

Я резко подорвалась с места. Договорить я ему не дала:

— Адалия! Нам нужны пригласительные! Любой ценой! Кеша, тебе нужно устроиться туда официантом — максимально близко к хозяину и гостям. Генри, на тебе район: катайся там почаще, подвози кого можешь, слушай сплетни. Ты — наши глаза и уши снаружи.

— А я что буду делать? — пискнула Жужа.

— А ты вместе с Кешей попадешь внутрь и поищешь аму-

лет. Но, рыжая, — я ткнула в нее пальцем, — если он под защитой, не лезь. Повторяю: НЕ лезь. Мне всю информацию: где лежит, какие печати, кто охраняет.

— Поняла-поняла, — она закатила глазки с таким видом, будто я ее лекцией замучила.

Фух. План-банан первичный есть. Как только появится понимание, что к чему, разработаю план захвата. Плевое дело.

М-да.

Дело оказалось совсем не плевым.

Началось с того, что Адалия не смогла получить приглашение. Старый затворник обиделся РЕАЛЬНО. Отказал через лакея — вежливо, но твердо. Бабулечка вернулась домой красная, как помидор, и всю дорогу от двери до гостиной возмущенно размахивала веером.

— Кто бы мог подумать! Ишь ранимый какой! — она со стуком бросила веер на стол. — Я, может, тоже обиделась! Между прочим, он у меня тогда даже прощения не попросил!

— Несси Гораль, что делать-то теперь? — осторожно спросила я.

— Что-что?! План менять!

И, гордо выпрямив спину, бабуля развернулась и ушла к себе. Хлопнув дверью напоследок.

Прекрасно. До полнолуния уже близко, а как попасть в дом — непонятно.

Следом в гостиную ввалился Генри. Я медленно подняла на него взгляд и обомлела: под правым глазом красовался роскошный лиловый фингал.

— Меня погнали с того района, — буркнул он, аккуратно трогая опухшую скулу. — Там свои извозчики, чужаков не терпят. Объяснили, так сказать, доходчиво.

Вот что за напасть!

Осталось дождаться Кешу с хорошими новостями.

— Не виноватая я! — заверещала белка с порога, едва открылась входная дверь.

— Меня уволили, — обреченно сообщил Кеша, стягивая с плеч сумку. — Потому что белка нырнула в мешок с орехами.

Я таааак посмотрела на Жужу, что та вжалась в плечо парня и попыталась слиться с воротником.

— Кеша, — медленно процедила я. — Сказал бы, что не твоя.

— Я бы и рад, — вздохнул он. — Но она вылезла из моей сумки прямо при экономке. Оттолкнулась от моей спины, что-то пропищала в полете и рыбкой нырнула в отборные чищеные орехи. Экономка в обморок. Я — за дверь. Белка — за мной. С полным ртом.

Я закрыла лицо рукой.

Плевое дело превращалось в серьезную проблему.

— Не виноватая я... — заныла Жужа, перепрыгивая ко мне на плечо и заискивающе заглядывая в глаза. — Ну,

Крис... Они мне подмигивали... Что мне оставалось делать?

— Кто подмигивал? — устало уточнила я.

— Орешки! Кто ж еще? — она блаженно закатила свои черные бусинки. — Такие большие, пузатенькие, маслянистые... Я бы устояла, честно. Но они. Мне. Подмигивали.

— Дали же боги мне помощницу... — пробормотала я себе под нос и медленно поплелась на кухню.

Надо выпить чаю. И подумать.

Все провалились. Все, кроме меня. А значит, пойду я. Другого выхода нет.

Я села за кухонный стол, обхватила ладонями горячую чашку и уставилась в окно. Палиться мне никак нельзя — ни рыжими волосами, ни веснушками, ни фигурой. Крис, которая работает на Гильдию, в этом доме появиться не должна в принципе. А значит, придется расчехлять резерв. Создам образ и пойду устраиваться на работу.

Волосы, конечно, можно было бы просто покрасить. Но, боюсь, я проведу там больше трех часов. А значит — только иллюзия.

Кем пойти? Точно не официанткой — они привязаны к залу. Не кухонной прислугой — те вообще носа из кухни не кажут. Мне нужно свободно перемещаться по дому. Значит...

Горничной.

Да. Перед большим приемом в поместье точно наймут дополнительную обслугу — убрать гостевые комнаты, подго-

товить залы, перестелить постели. Горничная может пройти практически куда угодно, лишь бы в руках было ведро или стопка белья. Отличная мысль.

Я поставила чашку, прикрыла глаза и начала творить образ.

Волосы — невзрачные, мышиного цвета, собранные в тугой пучок на затылке. Кожа — бело-серая, тусклая, будто я солнца годами не видела. Все мои веснушки, предмет Жужиной особой гордости, надежно спрятаны под иллюзорным бледным тоном. Нос — картошкой. Губы — тонкие, почти бескровные. Для верности добавила пару кривоватых передних зубов и опущенные плечи.

Я подошла к зеркалу в прихожей и критически себя оглядела.

— Жесть! — выдохнула я.

— Глаза остались, — раздался за спиной знакомый писк.

Я обернулась. Жужа сидела на спинке кресла и с интересом меня рассматривала.

— Увы, подруга, — я развела руками. — Глаза под иллюзию спрятать нельзя. Радужка живая, она магии не поддается. Но, думаю, в комплекте с этой постной физиономией никто на цвет глаз и не посмотрит.

Переодевшись в скромное серое платье с белым передником, которое я заранее держала в сундуке "на всякий случай", я вышла в гостиную к своей банде.

Народ опешил.

— А вы к кому? — первым нашелся Генри, рефлекторно загораживая собой стол с папкой.

— А вы кто вообще? — подхватил Кеша, подозрительно щурясь.

— Как вы сюда попали?! — громче всех возмутилась Адалия, уже забывшая про свою обиду и готовая обороняться.

Я повернулась к Жуже и ехидно хмыкнула:

— Вот видишь, рыжая. Свои не узнали. А ты за глаза переживаешь.

— Кристина?! — хором выдохнула вся компания.

Шок — это по-нашему, мысленно хмыкнула я.

— Генри, отвезешь меня к особняку Новака? Или теперь тебе путь в тот квартал окончательно заказан?

— Вот еще! — он тут же приосанился, забыв про фингал. — Конечно, отвезу. А вот обратно — уж извини, на пейджер напишешь. Я тебя за два квартала высажу и газу.

На том и порешили.

***

По дороге я представляла себе поместье затворника именно таким, каким его обычно рисуют в земных фильмах ужасов. Серое. Мрачное. Увитое мертвым плющом. С облупленными ставнями, скрипучими воротами и обязательной стаей черных ворон, тоскливо кружащих над покатой крышей.

А на деле...

Маг-мобиль Генри вывернул из-за поворота, и у меня невольно отвисла челюсть.

Передо мной раскинулось огромное, но на удивление светлое поместье из белого песчаника, с высокими стрельчатыми окнами и четырьмя изящными башенками по углам. Фасад был увит не мертвым плющом, а живым, глянцево-зеленым, аккуратно подстриженным. Крыша из темно-синей черепицы блестела на солнце так, будто ее только вчера промыли дождем.

Территория — просто мечта садовника. Идеально выстриженные газоны мягкой волной спускались от дома к кованым воротам. Вдоль широкой подъездной аллеи выстроились белые гравийные дорожки, обрамленные низкими живыми изгородями. Справа угадывался розарий — там в утреннем воздухе плыл сладкий, густой аромат. Слева, за аркой из цветущей глицинии, виднелся фонтан с какой-то изящной мраморной скульптурой.

Никаких ворон. Вместо них над розарием деловито сновали пухлые остгардские шмели.

Да уж. Ничего себе "затворник". Этот человек, может, и спрятался от общества, но жить при этом явно не разучился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.